

Зимний ночной дождь в пелене дымки казался ещё более мрачным и холодным. Дорога к бамбуковой хижине на вершине горы была изрезана глубокими колеями, деревянная телега скрипела и тряслась на пути.

Слегка сгорбленная спина мужчины вызвала слёзы на глазах Цзюнь Улэя, но в сердце он чувствовал невиданное прежде спокойствие. Он знал, что даже если дождь разрушит все павильоны и резные мосты этого города, этот человек найдёт его и приведёт домой...

Неизвестно, сколько времени прошло, но лёгкий, едва уловимый аромат окружил его. Цзюнь Улэй медленно открыл глаза, огляделся и обнаружил, что лежит в своей комнате. Он почувствовал лёгкую грусть, словно что-то важное ускользнуло от него, но он никак не мог вспомнить, что именно.

В этот момент скрипнула дверь, и кто-то появился из-за ширмы, направляясь к кровати.

Цзюнь Улэй изо всех сил открыл глаза, и знакомый силуэт предстал перед ним. Хуа Фэйбай стоял у его кровати, на плечи была накинута свободная рубашка, его серебристо-фиолетовые волосы, слегка влажные, свисали на грудь. Видно, он только что принял ванну и переоделся.

— Проснулся? — Хуа Фэйбай лёгким движением рукава сел на кровать, его поза была расслабленной и изящной.

Цзюнь Улэй моргнул, зевнул и потёр глаза.

Юноша на кровати выглядел здоровым, его чёрные глаза были слегка затуманены сном, что вызвало у Хуа Фэйбая улыбку. Его прекрасные глаза, похожие на персиковые цветы, сузились, он наклонился и коснулся лбом лба Цзюнь Улэя, тёплый воздух коснулся его губ, заставив его затаить дыхание.

— Хорошо, температуры нет. — Хуа Фэйбай поднял голову, лукаво улыбнулся, поправил одеяло и тонким крючком подправил фитиль на подсвечнике.

Пламя снова собралось воедино, его одежда, и так свободная, сползла, обнажив три-четыре красных следа на его коже, резко контрастирующих с его белоснежной кожей...

Цзюнь Улэй вдруг вспомнил, как этот человек, шатаясь, тянул его на телеге сквозь ливень, и сердце сжалось от боли.

Когда Хуа Фэйбай покинул Дворец позолоченного феникса, его духовная сила была повреждена, и он всегда был слаб, его духовная энергия то появлялась, то исчезала, очень нестабильна. Во время приступов он не мог даже использовать простейшие заклинания, не говоря уже о полёте. Видимо, недавно он снова заболел, и духовная сила не вернулась, поэтому он использовал телегу, чтобы привезти его домой. При мысли об этом сердце снова сжалось.

В этот момент Цзюнь Улэй почувствовал тепло на руке, Хуа Фэйбай взял его правую руку. При свете свечи его пальцы были черно-красными и опухшими, как свиные копыта. Хуа Фэйбай приподнял бровь, его прекрасные глаза сузились, и взгляд стал холодным:

— Кто это сделал?

Цзюнь Улэй потёр нос, его круглое лицо выражало негодование:

— Я встретил его в горах. Не знаю, кто он, но на его рукаве были вышиты три цветка камелии. А Фэй, на этот раз я был недостаточно силён, но если этот парень когда-нибудь попадётся мне, я заставлю его пожалеть о том, что он родился!

— Ты так энергичен, видимо, уже выздоровел. Ты, как обезьяна, всегда выживаешь, хоть и причиняешь столько хлопот. Я зря волновался. — Хуа Фэйбай постучал по голове юноши, в его глазах мелькнула тень жестокости, хотя он не подал виду.

Он открыл маленькую изящную коробочку, в которой лежала зелёная мазь с приятным ароматом, и щедро нанёс её на руку Цзюнь Улэя.

— А Фэй, как ты нашёл меня? — Цзюнь Улэй сразу почувствовал, как жгучая боль в руке исчезла. Он знал, что это снова какое-то чудодейственное средство, которое Хуа Фэйбай где-то раздобыл. Он расслабился, позволяя ему ухаживать за собой, и в сердце было тепло.

— Если бы я верил всему, что говорят, ты бы уже сто раз умер. — Хуа Фэйбай улыбнулся, взял чистый бинт и аккуратно замотал его руку, сделав красивый бант.

Цзюнь Улэй внутренне вздохнул с облегчением, радуясь, что Хуа Фэйбай не поддаётся на слухи, и глупо улыбнулся, показывая белые зубы.

— Лекарство наложено, что-то ещё болит? — Хуа Фэйбай ткнул пальцем в шишку на голове юноши, его тёплое дыхание окутало его лицо.

— Нет... — Цзюнь Улэй сглотнул, словно слыша, как бьётся его сердце.

Хуа Фэйбай удовлетворённо выпрямился, улыбнулся и, словно вспомнив что-то, с лукавым блеском в глазах сказал:

— Тогда, раз у тебя такой здоровый вид и румянец на лице, значит, не тебе плохо, а кому-то другому?

Глядя на это безупречное лицо так близко, Цзюнь Улэй даже мог разглядеть его шею под свободным воротником, изящные ключицы, слегка виднеющиеся. Он вдруг почувствовал

сухость во рту.

— Кхм, кхм!.. Ты... что ты говоришь? — Как будто пойманный на месте преступления, Цзюнь Улэй закашлялся, его круглое лицо покраснело, как свёкла.

— О, правда? Если нет, то почему твоё лицо, как будто накрашено румянами? — Голос Хуа Фэйбая был мягким, но проникал прямо в сердце Цзюнь Улэя, в нём было больше нежности, чем обычно, и даже ночь за окном казалась теплее.

Обрывки снов всплывали в памяти Цзюнь Улэя: идеальное тело в воде, горячее прикосновение, прерывистое дыхание и непреодолимое желание... Всё это было смущающим и вызывало краску на лице. Как он мог рассказать об этом Хуа Фэйбаю!

Цзюнь Улэй покраснел, смущённо махнул рукой и случайно зацепил шнурок на одежде Хуа Фэйбая. Свободный воротник расстегнулся, открыв грудь, на которой появился странный узор.

Тонкая ветвь тянулась от живота к груди, и на его сердце распустился бутон персикового цветка. Пять лепестков, чистых, как лёд, окружали алую сердцевину, нежную и прозрачную, как утренний цветок на ветке...

— А Фэй, почему у тебя на груди цветок персика? — Цзюнь Улэй чуть не закричал от изумления.

Хуа Фэйбай тоже удивился, лицо его слегка побледнело, он лёгким движением прикрыл одежду и отвернулся, избегая его взгляда.

Цзюнь Улэй с детства рос рядом с Хуа Фэйбаем, они часто спали в одной постели, и он знал, что на груди Хуа Фэйбая не было даже родинки. Как же теперь там появился такой яркий цветок? Более того, бутон казался живым, слегка покачиваясь на коже, словно продолжая расти.

— Ты проголодался? Я принесу немного каши, а ты отдохни. — Голос Хуа Фэйбая всегда был мягким, но сейчас в нём была сила, не оставляющая места для возражений. Он встал и направился к двери.

Цзюнь Улэй смотрел на его спину, в горле стоял ком, и он не мог понять, что чувствовал.

Казалось, что Хуа Фэйбай, такой мягкий и спокойный, был гораздо сложнее, чем казалось. Хотя он был очень добр к Цзюнь Улэю, он многое скрывал. Он всегда был таким — не отвергал его ухаживания, но и не принимал их, его мысли были неуловимы, и Цзюнь Улэй не мог понять его.

Цзюнь Улэй всегда чувствовал, что в глазах Хуа Фэйбая скрыто слишком много тайн, его мысли

были окутаны туманом, и даже находясь рядом, он не мог приблизиться к его сердцу. Это чувство неуверенности часто вызывало у него тревогу...

Через два дня после той дождливой ночи произошло странное событие. В бамбуковой роще у Священного источника вспыхнул пожар, который бушевал три дня и три ночи, пока не превратил всё в чёрный пепел.

Говорят, что один из стражников был поглощён пламенем, и никто не смог подойти на помощь. Его крики раздавались из бамбуковой рощи, вызывая ужас у всех, кто их слышал. Говорят, кто-то видел полубогоревший рукав, на котором ещё можно было разглядеть три вышитых цветка камелии...

<http://bllate.org/book/15278/1348683>